* * *

За плечом у ангела-хранителя –
Белый свет.
Храни его, храни.
Пусть он знает, в мире не одни
Он и я.
Тем жизнь и удивительна,
Что не ясно, то ли вечный бой
За меня ведёт броня живая,
То ли я от мрака закрываю
Ангела-хранителя собой.

Прогулка

Если хочешь, могу остаться.
Будем вместе – в руке рука.
Позабудем про гравитацию,
Пробежимся по облакам.
Слышишь, рядом свежо и гулко
Гром меж тучами прошагал?
Это пишет свою «Прогулку»
Марк Шагал.

Нам с тобой – молодым, веселым
Горний ветер и свеж, и крут!
А под нами – луга и сёла.
Всё – беспримесный изумруд.
Кто осмелился в камне высечь
Русский мир из зелёных скал?
Только тот, кто стремится в выси –
Марк Шагал.

Розовеет вдали церквушка,
Над церквушкой туман разлит.
Звонкий колокол что кукушка
Эхом множит года земли.
Только мы забираем выше.
Там не слышен его вокал.
Там лишь воздух, которым дышит
Марк Шагал.

* * *

Сибирские реки на север текут –
Об этом с рождения знают
Татарин и русский, остяк и якут
И каждая птица лесная,

И сумрачный лес, перешедший в тайгу –
Сплетение веток упругих
Сибирские реки на север влекут
То утлые лодки, то струги.

Меж топей брусничных, в таёжной глуши
Любая тропа – словно речка.
Теряясь, петляя, на север шуршит
И шепчет на вечном наречье.

Из цикла «Тыл»

Год сорок третий. Вмёрзшее в ночь село.
Молится бабка, пальцы сложив в щепоть.
«Господи Боже, раньше ведь всё цвело!..»
В щёлку меж ставен тихо глядит Господь.

Бабка – как спичка, дом – словно коробок.
Голос соседки слышится из сеней:
«Мне похоронка! Где он сейчас, твой бог?..»
Господу больно встретиться взглядом с ней.

Вспыхнула бабка, вытянулась в струну:
«Что ты, дурная! Словом-то не греши…
Даст Бог, отмолим нашу с тобой страну,
Все возвернутся, будем как раньше жить».

В Старом Осколе сын её пал в бою.
И виновато смотрит меж ставен Бог.
Так похоронку матери отдают.
Кровь на запястье. Не уследил, не смог…

Может осколок, может – в ладони гвоздь.
Молятся, плачут, слушают ночь в избе.
Тихо закроет ставни полночный гость.
«Ветер, наверно» – бабка шепнёт себе.

Падают звёзды, где-то идут бои.
Матери чьи-то возле икон стоят.
А за окошком скорбно Господь стоит.
Падают звёзды. Мерно искрит твоя.

* * *

Летит. Кружится. Падает. Врастает
В сугробы у замёрзшего окна
Январский снег, а серенькая стая
Таскает из кормушки семена
Подсолнечника. Добрая старушка
Их сыпала. До солнечного дня
Теперь протянут птицы.
«Где же кружка?» –
Нелепо тянет срифмовать меня,
Но за окном: ни кружки, ни старушки.
От щедрых подношений ни следа.
Ещё слетают бойкие пичужки
К дышащей паром форточке, но там
Царят иные запахи. Врастает
В сугроб не этот снег, но прошлый год.

Поминки отшумели, и пустая
Квартира словно новой жизни ждёт.
А снег идёт. И в этой снежной гущи
Блуждает беспокойная душа.
И кормит птиц, поющих для живущих
На всех без исключенья этажах.

* * *

Не касался младенец молочных грудей,
Но, казалось, что это – ненужная малость.
У соседей ни внуков теперь, ни детей.
Только старость осталась.

Поправляют очки. Часто смотрят в окно.
В продуктовый спускаются. Быта – избыток.
Всё испытано было, что в жизни дано.
Всё затёрто, избито.

В полутёмной квартире сердца их стучат
В ожиданье, что завтра рассвета не будет.
Лишь порой голоса не рождённых внучат
Среди ночи их будят.